

КАРТОННОЕ

СТАНИСЛАВ
СЕНЬКИН

НЕБО

ИСПОВЕДЬ
ЦЕРКОВНОГО
БУНТАРЯ

КАКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
СКРЫВАЕТСЯ
ЗА ЛУБОЧНОЙ
КАРТИНКОЙ
ЦЕРКОВНОЙ
ЖИЗНИ



Религия. Война за Бога

Станислав Сенькин

**Картонное небо. Исповедь
церковного бунтаря**

«ЭКСМО»

2018

УДК 281.93
ББК 86.372

Сенькин С. Л.

Картонное небо. Исповедь церковного бунтаря /
С. Л. Сенькин — «Эксмо», 2018 — (Религия. Война за
Бога)

ISBN 978-5-9955-0977-6

Автор этой книги провел в монастырях 8 лет, и он не понаслышке знает # за благочестивостью церковной жизни иногда скрывается довольно жестокая реальность. Почему же верующие выбирают такую жизнь, как устроены будни в закрытых от мира общинах и кельях, на что направлены труды и усердие священников и монахов? Предельно откровенно # о боли и страдании, о религиозной лжесвободе и о страхе смерти # эта история христианина никого не оставит равнодушным.

УДК 281.93
ББК 86.372

ISBN 978-5-9955-0977-6

© Сенькин С. Л., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Новейшая история грехов	6
Блуд	17
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Станислав Сенькин Картонное небо. Исповедь церковного бунтаря

© Сенькин С.Л., 2018

© ООО «Яуза-каталог», 2018

* * *

Эта книга представит интерес как для критиков православного учения, так и для его апологетов

Новейшая история грехов

Сия книга задумывалась как развёрнутое творческое объяснение для моего читателя, что именно происходило со мной после отъезда с Афона. Как я жил, как, с каким настроением работал над своими книгами, как вошёл в отрицание вплоть до балансирования на грани разрыва с церковью и как пережил весь этот сложный жизненный период. И куда, в каком направлении собираюсь теперь идти. Но книга будет интересной не только знающему мою историю читателю, но и любому интересующемуся православием человеку. Причём интерес она представит как для критиков православного учения, так и для его апологетов. Ибо от избытка сердца глаголют уста, и эта книга написана от избытка моих чувств, служа напоминанием о той шаткой невидимой грани, что отделяет веру от безверия и праведность от нечестия – для апологетов учения. А для критиков припасено много кровоточивых воспоминаний о боли и страдании, о религиозной лжесвободе и о страхе смерти – камне, положенном в углу фундамента любой религиозности. Думаю, что книга доставит удовольствие и человеку, постороннему околоправославию, потому как повествует о психологии бунта, что применимо к любой человеческой деятельности.

Всё, что нужно знать постороннему теме человеку – я прожил восемь лет в монастырских стенах, из них три последних на святой горе Афон. Десять лет моей жизни в миру ознаменовались рождением новой православной звезды, литературными премиями и большими тиражами, когда написанные мною книги по теме религии били рекорды продаж в лавках православных храмов. Но вновь родившаяся звезда сорвалась с пьедестала и полетела «во тьму», как это казалось православному сообществу, оставляя в падении шлейф алкогольных скандалов. Это падение, за которым можно было наблюдать через интернет, длилось лет пять, и казалось, что я сам себя закопал так глубоко, что меня никто уже из-под земли не вытянет. Но я всё ещё жив, стою крепко на этой земле обеими ногами и наконец созрел для серьёзного разговора.

Я всегда чувствовал ответственность перед своим читателем, но только сейчас впервые исповедуюсь перед вами, поскольку проблемы с алкоголем, слава богу, были решены и душа моя возвратилась к благоразумию. Обычный православный миф трактует моё поведение как грехопадение и отпадение от истины в греховную тьму. Так и казалось. Некоторые мои читатели плакали обо мне – «утянул лукавый, Господи помилуй!». Но я свидетельствую – всё это «грехопадение» можно рассматривать только исключительно как последствия алкоголизма, что не щадит ни верующих, ни атеистов, ни агностиков.

Когда я писал свои книги – прежде всего строил карьеру православного писателя и построил бы, если б не проблемы с алкоголем. То есть верности определённому учению возрастала бы по клерикальному сценарию – эта «верность» стала бы фундаментом моего личного благосостояния. Поэтому и верен, потому что сыт. Где хорошо, там и родина. Возможно, я бы сейчас написал много интересных книжек и занял своё место на православном Олимпе – не бог весть что, но своё место среди миллионов неприкаянных россиян, что уже есть индивидуальное благо. Православные бы укрепляли дух моими статьями на ортодоксальных порталах и с обожанием закладывали бы мои фото в соцсетях. Скучал бы, поучая других весёлыми байками, и позировал бы с постным лицом на фоне храмов и монастырей, не отказывая паломникам в селфи. Ловил бы восхищённые отзывы православных тётенек и витиевато подписывал бы свои книги «на молитвенную память». Православный рынок достаточно большой, чтобы прокормить себя и свою семью. Публицистика, литература, сценарии – душеспасительное враньё в обмен на своё скромное место православного писателя. Это было бы благоразумно, хоть и скучно. Нужно было всегда держаться в православных границах и всегда быть готовым продемонстрировать свою православность перед дру-

гими. Вставить в ум невидимый одобренный отцами чип, контролирующей речь и поступки. И свидетельствовать перед «своими» – смотрите, я «свой», воцерковлённый. У меня борода, причёска под горшок, у меня витиеватая речь с вкраплениями церковнославянского. Свой я, свой, и книжки у меня свои. Покупайте и хвалите меня. Поскольку, хваля меня, вы хвалите самих себя. А я уж за вас, братья и сестры, и в огонь, и в воду! Я бы, наверное, двигался по-православному, будь я в обойме – моё сознание определялось бы бытием, хотя я бы поведовал нечто иное.

Трудно сказать, чем бы было это иное. Быть может, титанический труд оставаться искривлённым ради великой цели и плошки супа породил бы интересный религиозный дискурс, и я стал бы очередным звеном в православной исторической цепи. Вот они – на иконах и календарях смотрят на нас, скованных одной с ними православной цепью, и свидетельствуют о Христе. И они так же сковывали себя в бараний рог – выпрямление для них не просто гордыня, но бунт против светской власти. Царь был охоч до рубки еретических голов. Дальше от царя – крепче голова. Держи себя в границах, в темноте от других. Пусть домысливают, чем ты занимаешься в своей келье. Служи царю и церкви служи. А если умешь витийствовать, то святцы ждут тебя. В Средневековье это исключительная по своему блеску карьера. Если ты не барских кровей, куда тебе ещё податься? – грамота и благонравие гарантируют результат. Правила игры ты знаешь. Я тоже знал правила этой игры. Пусть сейчас это всё похоже на фарс – православная цепь продолжает выковываться.

То есть я клоню к тому, что мне было невыгодно покидать своё забронированное место на православном Олимпе. Оно у меня уже было, и довольно неплохое. Меня никто в церкви не обижал и не отталкивал. Напротив, относились хорошо и обласкали, душой приняв мои книги. Это был шанс от Бога, заработанный талантом, терпением в монастырях и стечением обстоятельств. Шанс найти своё место под солнцем, своих критиков и обожателей и более-менее лёгкую копейку. Писать-то – оно не мешки ворочать. Не существовало экономических причин для протеста, хотя были внутренние причины – раньше, на Афоне, я видел все церковные грехи и язвы как бы через тусклое стекло, а теперь, «в миру», узрел всё воочию. Но по правилам игры (помните?) ты страус, благочестивый страус. Спасайся сам, и вокруг тебя спасутся тысячи.

Всё бы шло как шло. Но тут вмешался дьявол, будь он неладен. Змей был хитрее других тварей полевых. Алкоголь всегда потрошит зависимого человека, привыкшего лгать самому себе. Если ты зависим, ты должен посмотреть в своё сердце честным взором и выпрямить его. И только тогда сможешь честно принять свои проблемы и попытаться найти выход из алкогольной зависимости. Алкоголик, продолжающий лицемерие – обречён на дальнейшее употребление и смерть. Не было бы этих проблем с алкашкой, я б кривил душой, потому что так надо, так принято. Я бы изловчился управлять этой кривизной, найдя утешение в каких-нибудь хобби, и пытался бы соответствовать тому образу, который нарисовал себе мой читатель по прочтении «Афонских рассказов». Но всё это было разрушено, плотина чувств была прорвана, границы перейдены, и благочестивый образ был скомкан моими же руками и выброшен на помойку. Моё сердце наконец распрямилось, что бы это ни значило, и я получил шанс справиться со своей болезнью. Здесь мудрость! Не зелёный змей подбил меня на бунт (есть большое количество злоупотребляющих церковников, остающихся в обойме), а противодействие змию требовало этого бунта – как активного освобождения от лицемерия, как необходимого условия для приобретения святой трезвости.

Полегчало ли мне?

Да, полегчало. Но это произошло не сразу. В этой книге я постарался рассказать о том, что со мной происходило, так же искренне, как исповедовался Богу на Афоне. Получилось это у меня или нет – судить только вам. Ответственно заявляю, что за этой книгой не стоит желание отомстить за мнимые обиды или кому-нибудь насолить. Но и тактику «невыноса

сора из избы» считаю вредной. Церковь – это общественный институт, занимающийся в том числе и миссионерской деятельностью. Как и в случае с другими общественными институтами, церковь отчаянно нуждается в общественном контроле. Однако духовенство воспитало довольно равнодушную и терпимую к церковным грехам паству. Верующему предлагают заняться собой, забывая, что сама идея церкви, как тела Христова, подразумевает общую боль и общую радость, а не сосредоточенность на личной истории и шоры по отношению к поступкам священноначалия.

Нет в церкви личного греха. Грех духовника – это грех самой церкви, как общности верующих людей. Говорят, что церковь чиста и непорочна, даже если и состоит из грешных людей. Дух-де управляет в ней, а ты, Вася, блюди себя и не обращай внимания на чужие грехи. Церковь у нас одна, святые одни, а грехи у всех свои. Каждый отвечает сам за себя, а за всю церковь отвечает сам Бог. И ничего, что Бог кажется каким-то безответственным. При возникновении вопросов тебе говорят, что Бог попускает священнику или епископу впасть в грех. Подобный ответ – кляп, ибо неисповедимы пути Господни. Но тогда почему бы не признать и меру собственной ответственности за то, что происходит внутри твоей же религии? Получается, что не только Бог попускает, но и ты попускаешь, помогая греху совершаться. Он не твой, грех этот, а у грешника своя совесть. А если у него нет совести, что тогда? Давайте будем честными: священники – это обычные мужики, где-то образованные, а где-то нет. Часто авантюристы. Священники совершают не только грехи, но и уголовные преступления и зачастую фигурируют в криминальной хронике. Почему мы – общество – должны накидывать на голое напившееся и блудящее духовенство накидку, якобы избегая участи хама? Потому что они называют себя «отцами»? А как же слова Евангелия: «И отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах»?

Ты делишь с ним божественную трапезу и доверяешь самые сокровенные мысли, склоняешь голову, признаёшь учителем, а он такой же, как и ты – из народа. Это не значит, что священник обязательно плохой, но и совести камилавка не прибавляет. И уж точно не прибавляет она ума. У вас ролевая игра, вы распределили роли в этой игре и перераспределили ответственность. Кому-то достались вершки, а кому-то корешки. Только сам овощ непонятен, чтобы рассудить, что лучше. Профессиональный верующий – всегда лицемер. Подавленные сомнения деформируют личность, а сребролюбие почти всегда выходит в число главных мотивов. Мне-де тяжело находиться в псевдоучительской и псевдоотцовской шизофрении, но этим я зарабатываю себе на хлеб...

Мы более не являемся народом с живыми патриархальными традициями. Праведность сама по себе аутентична патриархальности и вне её смотрится как бьющаяся рыба на песке. Праведнику всегда хочется вернуться в патриархальную воду, и он пойдёт ради этого и на смуту, являясь неблагонадёжным для большой церковной политики. Вышедшие из патриархальности народы однозначно лишаются праведности. Праведности нет как факта, хотя вы и ищите её в седине бород состарившихся в монастырях стариков. Почему не ищите её в обычных больных и неопрятных стариках, побирающихся у помойки и получающих от государства копейки на жизнь? Патриархальность – в общем уважении старости с признанием в ней опыта и мудрости и даже в делегировании старости неких судейских полномочий, а не бессмысленная божба на старика в епитрахили.

Игра в патриархальность в утратившем патриархальность обществе требует развитого навыка лицемерия. Этот навык имеют, к примеру, гомоиерархи и скрытые педофилы. Это не простые грешники, а люди с удивительным навыком лицемерия. Сохранить трезвый ум и не расщепиться до шизофрении, не упасть в бутылку или «на колёса» при ежедневных-то службах, обильных славословиями и нравоучительными молитвами – это нужно сильную голову иметь. Подобные лицемеры умеют блюсти церковь, на них ответственность и за тебя в том числе, а ты отвечаешь только за свои поступки только перед Богом. Удобная позиция,

не спору, если для тебя церковь форма внутренней эмиграции. Но это работает, только если сам верующий не теряет ума. Человек имеет от Бога разум – средство управления собой и обществом, но оставивший разум за церковными воротами лишается царя в голове, думая, что приобретает Бога. Но приобретает он не порядок, а хаос.

Священнику, по сути, всё равно – хаос в твоей голове или порядок. Он не психотерапевт и не призван улучшать или облегчать тебе жизнь. Главное для него – совершенно формальные вещи и так называемые таинства. Есть даже целая когорта духовников, окучивающих носителей хаоса. В современной России «спасение» становится товаром. Вне рынка это иррациональная концепция, в арсенале которой множество методов, от изуверских до гуманистических. Человек может изводить себя постами, как послушник в афонской келье Хаджи Георгия, уморившего сотни своих последователей, объясняя монашескому сообществу, что так они спаслись. А может заниматься благотворительностью, помогая множеству людей. Сегодня в церкви огромное количество иррациональных концепций спасения, почти столько же, как и самих верующих. Но изуверские практики, слава богу, практически на деле уже изжиты. Раз спасение – товар, нужно придерживаться общего человеческого закона, на который сегодня имеет огромное влияние гражданское общество, в том числе и атеисты. Если бы атеисты и здравомыслящие люди не оказывали на церковь этого давления, изуверских практик и жертв духовников-«хаосистов» было бы куда больше.

Отличительное присутствие православного духа – это клеймение своих же верующих собратьев. Дробление и деление на внутрицерковные партии и фракции – нормальное земное явление, но контраст споров, делений и свар, вкупе с заявлениями о небесном характере церкви и её святостью – теле Христовом, зримо свидетельствует о безблагодатном её характере в соответствии со своим же учением. Сама православная традиция предусматривает многообразие подвига, причём подвиг – как источник опыта – единственная связь традиции с реальностью. У вас же есть тысячи иллюзий и тысячи иррациональных концепций спасения, которые вы шумно навязываете друг другу. Каждую из них кто-то представляет единственно верной реальностью. Объединяет вас знание того, что все эти иллюзии – карты из одной колоды. Вас связывает определённый жизненный и бытовой стиль – тот самый «воцерковлённый чип», контролирующий речь и поступки. Но каждый из вас верит в свою карту. А вместе вы – верующие в колоду. Вера в чужую карту, в сформулированную другим концепцию спасения сосредотачивает вас на этой карте.

И вы пытаетесь навязать неверующему всю православную колоду как единую церковь, а верующему – свою уникальную концепцию спасения как отдельную карту, в которую вы поверили.

Отсюда (из понимания царящего в церкви духа разделения) и ложный выход – спрятать голову в песок, как страус, это единственный способ остаться не просто человеком, а человеком церкви. Поэтому церковный человек со временем перестаёт реагировать на внутрицерковную гниль, а то и оправдывает её, он становится замкнутым холодным эгоистом, сосредоточенным на своём собственном спасении. Сложные энергозатратные практики превращают верующего в истощённого и раздражённого человека, по сути своей несчастного. У этого человека есть определённый каркас личности, за который он держится всеми руками и ногами, но для постороннего этот каркас выглядит банальной клеткой, которую верующий запер изнутри, а ключ выбросил.

Устав от лицемерия, верующие люди входят в депрессию так называемого «выгорания» или же расцерковляются. Некоторые остаются вопреки, поскольку считают, что «быть верным до конца» и есть их жизненный план. Остальные свыкаются со своим положением и даже находят во внутренней эмиграции необходимый для комфортной жизни эмоциональный баланс. Есть и такие, кто, распрямляясь от лицемерия, превращает свою прямоту в средство спасения себя и окружающих. Любой «распрямившийся» опасен для искривлённых,

чувствующих в себе потенциал распрямления и желание недоступной ему сейчас правды. Отсюда и отгораживание православных от слов правды, как от лжи. Мы свободны во Христе, – говорят православные. – Вы в рабстве своих страстей. Христос для таких – земной тюремщик, выпускающий отсидевшего свой срок в небесные обители. Мы верим своему тюремщику, потому что он освободит нас. «Распрямившийся» скинул ярмо, благое и лёгкое, чтобы освободиться. Ему легко, но мы в мире скорбны будем, ему многое можно, но сладость его в горечь претворится.

Моя задача как «распрямившегося» – донести этой книгой до читателя простую идею, что церковное бунтарство не является бунтом против создателя, напротив – оно есть живое и спасительное вмешательство духа, когда остальные средства уже не помогают, чтобы пробудить погрязшего в пучине равнодушия и гордыне собственной исключительности верующего человека. В этом смысле бунт против всеобщего лицемерия есть исключительно христианский по духу, это крест, порождающий боль непонимания и преследования со стороны сторонников системного спасения. И для некоторых христиан бунт есть единственное спасительное дело. Дело, за которое он страдает, как христианин, и которое иногда сводит его в могилу.

Считайте, что в этом есть миссия сей книги. Миссия пробуждения верующего от гордыни собственной исключительности и равнодушного отношения к собственной церкви, несмотря на внешние признаки рачительности и праведного гнева в отношении «нечестивцев». Эти нечестивцы (в том числе и автор книги) просто мешают тебе спать. Я постараюсь доказать это.

Означают ли мои слова, что я теперь хочу сделать хорошую мину при плохой игре? Да, именно так.

Я сыграл плохо, а теперь хочу реабилитироваться.

Я упал, но желаю встать. Поскользнулся, сломал ноги и долгое время бредил своей болезнью. А теперь я встал и снова хочу ходить. Это противоречит православному мифу об отпадении сатаны, который, отпав от истины, погрузился в хаос и ад. О моём здравомыслии свидетельствует сам этот текст. Впрочем, со стороны виднее. Если у кого-то по прочтении книги возникнет иная картина и вы сможете сформулировать своё видение – милости прошу ко мне в соцсети.

Сразу же хочу отметить, что не имею намерения оскорблять чьи-либо религиозные чувства. Я не буду говорить, как некие «свободомыслящие», что «настоящие религиозные чувства» нельзя оскорбить. Ещё как можно. Когда я был религиозным человеком – грелся у церковных костров и разделял вместе с другими верующими их пафос, который сегодня именуется этими «религиозными чувствами». Пафос этот – своего рода маячок «свой-чужой». В религии есть самый разный контингент – от неграмотного простецкого люда до грамотных и образованных людей. Но и тем и другим свойственен религиозный пафос. Это есть то самое сердце, возжигать которое учат святые отцы. Сердцу не прикажешь, но можно его постепенно склонять с помощью молитв к «правильным чувствам». После чего уже будет трудно, даже при наличии серьёзных аргументов, убедить ум в ложности религии. Поскольку сердце – сосредоточие эмоциональной жизни человека – будет определять модальность его отношения к миру и к любому спору. Религиозные чувства – они не только пугают неверующих, но и греют самих верующих. В сердце, переполненном чувствами, никогда не совьют гнездо отчаяние или безнадежность. Это те священные костры, которые верующие должны оберегать от ветра и дождя. Чтобы светильник не угас. Именно поэтому покидающие церковь часто ищут приют у атеистов, у кого есть своё стройное учение и свой антирелигиозный пафос. Кого-то греет этот холодный свет, но не меня. Я по «распрямлении» не пристал к атеистическим берегам и остался христианином по некоторым причинам, о которых сообщу ниже...

Но предисловие уже изрядно затянулось, и пора переходить к самому повествованию. Начну с себя – и с самого своего детства, с младых ногтей и советского атеизма. Иначе вам будет не понять.

Писателем я стал рано – шести лет от роду. Родители отдали меня в первый класс на год раньше положенного за пристрастие к буквам – читать я научился еще в три года. Сам. Мать подарила мне букварь, азбуку и показала, как складывать гласные и согласные. До остального каким-то дедуктивным образом дошел самостоятельно и к четырём годам не только сносно складывал буквы в слова, но и бегло читал не по слогам. В детском саду меня садили с книгой читать другим детсадовским, отчего я чувствовал себя отчасти учителем по отношению к своим ровесникам. Советская образовательная система признала меня превосходящим уровень интеллектуального развития других детей своего возраста вундеркиндом. Да, я отставал от одноклассников в физическом развитии, но успешно пытался обогнать их в умственном. Но карьера вундеркинда закончилась быстро.

В первом классе я написал стих и отправил его в газету «Пионерская правда». Стих был настолько политизированным, что редакторы газеты пришли в ужас и не смогли опубликовать его. К стилю претензий не было. Похвалив меня особым поздравительным письмом на гербовой бумаге за ответственную гражданскую позицию и острый слог, они советовали мне быть помягче. Возможно, редакторы не поверили, что стих принадлежит шестилетнему дитяти. Я обиделся и перестал писать на долгие годы, хотя сам факт ответа от газеты учителя воспринимали как несомненную победу. Отсюда, наверное, берет начало моя нелюбовь к дипломатии. «Стать мягче» стало для меня как соврать. Потом я начал писать только уже в старших классах, да и то потому, что не мог не писать. Стишки, большинство из которых не представляют собой ничего особого, поскольку слово обесценивается с каждым годом, какие-то театральные сценки, литературные конкурсы, песни, – все это было в моей жизни, но не подвигало меня на написание настоящей литературы. Потом была журналистика, меня отчасти научили владеть словом, стилем и даже привили какую-никакую грамотность. Вот и всё, что могу сказать о себе до монастырей. Хотя нет – было ещё крещение в двенадцать лет, с которым в мою жизнь пришла надежда. Крестили меня на родине матери в древнем старообрядческом селе Усть-Цильма. У поморцев никогда не было могущественных жреческих кланов и не было крепостного права. Крестили меня в Цильме с погружением, и не поп, а дальняя родственница в день святых первоверховных апостолов Петра и Павла...

Родившись в СССР в самый разгар «застоя», я зорко подмечал детали советского быта. Быт этот был насквозь пропитан культом смерти. Смерть была «живее всех живых». Догматический материализм отметал любую религию, любое заигрывание с вечностью и душой. Человек родился раз и умирает окончательно, но прожить жизнь нужно так, чтобы не было «мучительно больно». Я ребёнком искренне не понимал, как может смерть быть не мучительной и не больной. Родители говорили мне – «вырастешь, поймёшь». Принять подобное было невозможно. Бессознательное не принимает идею вечной смерти, и при навязывании этой идеи обществом в душе индивидуума возникает серьёзный внутренний конфликт. Этот конфликт был спрятан глубоко, но влиял на восприятие мира. Я услышал о смерти в пять лет и до двенадцати лет ходил без надежды. Атеизм – слишком шаблонное мировоззрение. Фактически это простая антиклерикальная пропаганда, базирующаяся на недоказуемом факте небытия Бога. В Советском Союзе она была догматически принятой, что для детского сознания выглядело как настоящий психологический терроризм.

Психика человека так устроена, что страх смерти заглушается ощущением непрерывности жизни. Когда ум говорит сердцу – «мы умрём», оно всегда отвечает – «не может этого быть». Человек знает, что умрёт, но не хочет верить этому. И это «не хочет» лежит в основе всех религий. Атеистические учителя и детские политизированные книги предупреждали, что на этом самом «не хочет» издавна паразитируют могущественные жреческие кланы,

у которых одна задача – опутать человека обязанностями, поработить страхами. Поэтому лучше быть честным и без надежды, чем в сетях манипуляций. Однако они принуждали всех к такой честности от самого рождения, «крестя», как в православной России, ещё в детстве в вечную смерть. Атеизм обычно позиционируется его сторонниками как взрослое принятие идеи смерти, как чёткое непротиворечивое мировоззрение. Это «взрослое принятие» по сути является травматическим переживанием, которое вовсе не освобождает, а если брать всё общество – является жёсткой формой государственного террора.

Россия на самом деле – страна пустых озер, на дне одного из них таится сокровенный град Китеж. Все остальное здесь, в России, наносное, чужое, заимствованное. Кто мы такие? – племена с болот и озёр, которым огнем и мечом навязали греческую веру. Да и раньше, в дохристианскую эпоху, все эти литовские Перуны и индоиранские Хорсы и Семарглы – тоже не наше, тоже заимствованное, поэтому народ сравнительно легко воспринял реформу Владимира. Народ без души. Посмотри внимательно в мои глаза – ты увидишь, как там пусто. Недаром Аввакума сожгли в Пустозерске.

Надежда – это правильно. Это и есть призрак града Китежа, сияющего на дне самого глубокого озера. После своего беспоповского крещения мне уже не обязательно было вечно умирать и жить так, чтобы не было «мучительно больно». Можно было просто жить и радоваться жизни. В догматику и богословие я не вдавался, довольно было ощущения возможности вечной жизни. Хорошо помню, как люди буквально ломанулись куда попало из страшной чёрной комнаты атеизма, заряжая воду перед телевизором и скупая на книжных развалах брошюры о магии и спиритизме. Этот безрассудно вырвавшийся пар говорит о довольно жёстком психологическом давлении внутри самого советского атеистического общества. И это был 1989 год – банки перед телевизором заряжали ещё в атеистическом СССР. И Кашпировский тогда же лечит посредством телевизора энурез. В этом же году на волне массового увлечения мистикой Госкомитет по делам изобретений и открытий даже выдал Джуне Давиташвили авторское свидетельство на целительство «бесконтактным массажем». Народ страны нуждался в коллективной психотерапии...

Но вернусь к своей мини-биографии. Настоящий жизненный опыт я начал набирать в церкви и монастыре. Всё, что было «до», я с помощью покаяния выбросил на помойку. Учили в детстве не любить Рейгана, потом, оказывается, нужно было стать толерантней, а потом и вовсе сдать – под звон стаканов со спиртом «Рояль». Мировоззренческая парадигма общества менялась слишком часто, мне нужно было устойчивое мировоззрение, которое я нашел в нашей традиционной религии. Тогда вера была не то что сейчас: многие уходили в религию искренне и пытались жить по евангельским заповедям.

В монастырях я провел в общей сложности восемь лет. Мой путь чернеца прошел через несколько обителей и в нескольких странах. Последние три года своего подвижнического пути я жил на знаменитой святой горе Афон – единственном месте на Земле, куда не ступает нога женщины. По иронии судьбы такая нетолерантность сохранилась в Евросоюзе – Греции.

– Почему ушёл? – Этот вопрос мне задавали довольно часто. Ответ на него у меня есть. Ушёл потому, что не захотел дальше так жить. Добровольная тюрьма нехороша сама по себе, а пребывание в ней имеет цель – освободиться от мира и стать бесстрастным. Не обретал я там ни покоя, ни радости. Не видел образцов, на кого хотел бы быть похожим. Всегда хотел на свободу, но всё ждал, когда в согласии со святыми отцами откроются «внутренняя сердца». Не дождался, ушёл. Не жалею. Правильно сделал. Некоторые называют меня расстригой, но я никогда не принимал ни монашеских обетов, ни иноческого пострига. И даже официально не был послушником на Афоне, числясь там скромным трудником, хоть и с правом ношения подрясника. Не стремился я и в священство, как некоторые мои критики, быстро напялившие

епитрахиль, как будто не успеют на тот свет, а сейчас играющие в запрещённых либеральных священников, что является ещё худшим лицемерием, чем их унылое пребывание в системе.

Когда спрашивают – есть ли духовность в современном мире? – обычно отвечаю, что нет, от слова совсем. Духовность – это шахта, в которой подвижники добывают экзистенциальный смысл, делясь им с окружающими. Смысл этот – самое главное, за что идёт борьба. Люди живут в городах зимой и греются, не замечая отопительной инфраструктуры и всего, что за этим стоит, так же и обыватель греется добытым другими смыслом, не понимая, насколько сложно добыть этот, казалось бы, доступный всем смысл. Но борьба идёт, и те, кто понимает, ищут и пока находят.

Весь настоящий смысл в церкви не имеет отношения к самой современной церкви. Смысл этот из каких-то других шахт – церковного прошлого, психологии и даже иных духовных традиций, но современная церковная духовность является мертворождающей. Это что-то среднее между энергетиком «Вип» и гербалайфом. Человеку предлагается сомнительное духовное здоровье и немного мотивации для движения. Естественно, легче получить эту «духовность» за деньги, поскольку современная духовность – это товар. Больше денег – больше духовности. Но если говорить о настоящем экзистенциальном опыте, то он демократичен и распространяется посредством издательской деятельности и организации лекций. Но духовностью этот смысл-товар тоже не является.

Настоящая духовность всегда разделяет, отлепляет, преобразует и мобилизует. Духовность – не костыль, а преображающий свет. Не псевдопреображающее кривляние религиозных людей, а настоящее, что ни с чем не спутаешь.

Откуда же появился греющий страну смысл – если его, по моим словам, давно нет? Революция в России прервала тысячелетнюю традицию, и средневековая духовность сохранилась в советский период в своего рода сχροнах и заповедниках. Эти схроны были вскрыты, и русских захлестнуло чувство мнимого богатства экзистенциального опыта. Но этот уголь отсырел и уже не греет душу, только коптит. Хотя эффект неожиданности ещё длится и доставляет. Но это ненадолго. Смысл добирается и от распаковки восточных традиций, ранее недоступных западному и российскому обывателю. Но эти колодцы не вечны, и смысла уже начинает категорически не хватать.

Своему времени – свои подвижники, добывающие смысл. Я тоже хотел в монастыре добывать смысл, но его было мало. Мы грелись у одиноких костров прошлого, но уже не согревались. Не хватало для того, чтобы остаться и продолжать этот путь. Не было ни учителей, ни поддержки свыше. Была скорбь и растущая бессмысленность. Некоторые монахи, что прожили по два десятка лет на Афоне, прямо говорили, что жить так – мучение, что ушли бы, но УЖЕ поздно. Время переработало их, лишило имущества в миру и здоровья. Кому они там нужны? А здесь есть койка и пайка.

Казалось бы, Афон – цветущий духовный рай в глазах православного туризма, а два десятилетия монашеской жизни в конечном итоге свелись к койке и пайке. Монаха, кто мне озвучил мотив «койки и пайки», звали Вонифатий. Родом с Донбасса, алкоголик. С глаз долой его отправили на скит Ксилургу. Выгнали бы, но за него просил донецкий старец Зосима из Святогорской лавры. У Зосимы были влиятельные украинские олигархи в чадах, и его слово было важно в монастыре. Вонифатия не выгоняли. Пил на Ксилургу, по пьяни любил сжигать мусор. Он вообще любил смотреть, как огонь поглощает древесину.

Бывало, сядем с Вонифатием поговорить, а он говорит про своего старца, как тот предсказывает будущее Афона – святой полуостров-де из монашеской республики постепенно превратится в туристический центр. Всё здесь будет для туриста, а молиться и вовсе никто не будет. Вонифатий – это монах-неудачник. Таких на горе много. Но есть и удачливые монахи – это те, кто нашел в монастыре своё место. Как ни странно, на ум тут сразу пришёл тёзка Вонифатия – монах Вонифатий-иконописец. Спокойный интроверт. Доброжела-

тельный шизоид, избегающий людей. Человек занимается «деланием», такие монахи были и есть. Но это делание, что в духовных книгах превозносилось до небес, на поверку оказывалось не столь яркими психологическими приёмами, с помощью которых монах учился успокаиваться в монастыре. Успешный монах – это тот, который угомонился, как говорят на Афоне. Кто-то раньше, кто-то позже, а кто-то никогда. С этой точки зрения духовный рост в церкви объясняется очень просто.

Если человек не карьерист – не использует Афон как трамплин, – а порядочный православный христианин, в его духовной жизни есть определённые этапы. В монастырях технологичное христианство, и всё видно лучше. Первый всем известный этап церковной жизни – это неофитство. Достаточно долгий этап (по уверению некоторых монахов, неофитский возраст – десять лет), когда человек как губка «с горящими глазами» впитывает и постигает церковные байки, законы духовной жизни и постепенно становится крепким церковным человеком. Потом колодезь знаний исчерпывается, человек понимает, что он вовсе не бездонный, и его первоначальный пыл сгорает. На этом этапе верующий начинает сомневаться. И здесь помогает весь накопленный опыт в виде баек и нравоучений, которые неофит как губка впитывал в прошлом. Отцы говорили, что этому должно произойти, что человек должен крепко стоять против дьявола и не отрицаться церкви – тогда он получит венец жизни. Помогает ему в этом деле страх выйти за флажки, причастие, исповедь и псалмопение – приобщение православному информационному потоку, да хоть псалтирь по две кафизмы читай каждый день. Верующий должен убить в себе страсти сребролюбия, то есть перестать думать о хорошей жизни; блуда, то есть совокупляться; а если ты мирянин, то только ради чадорождения, да и то без особых нежностей; гнева, то есть не противоречить тем, кто тебя гонит; славолюбия – не взыскать успеха в этой жизни. Ну и так далее: убить страсти – это святоотеческая классика.

В монашестве прямо учат, что монах – это живой мертвец, который похоронил себя заживо. Чем твёрже стоит воин Христов, тем быстрее достигнет смирения, говорят отцы, а если беспрестанно колеблется – умножает свои раны. Они имеют в виду, что верующему следует смириться с неизбежным – жизнь со своими подарками пролетит мимо него. Он инвалид ради Христа. Если верующий будет стоять твёрдо, понимая, что его выбор неизбежен, то он соответственно будет проходить через стадии принятия этого неизбежного: отрицание; гнев; торг; депрессия; принятие. Так он через многочисленные искушения приходит к смирению. Зачастую таким смиренным людям приписывают чудесные дары сомнительного свойства, чтобы они служили дополнительным аттракционом, привлекающим неофитов. Это вполне законный путь, единственное, что такие «смирившиеся» делают заложниками своего духовного пути весь остальной мир. Они ведь не думают, что могли бы спокойно жить и без этого и были бы счастливы. Они думают, что выбор их был неизбежным с точки зрения Христа и они шли единственно спасительными узкими вратами. Этому они и поучают других.

Поэтому, кстати, себя мне к обиженным причислять как-то не с руки. Монастырские тяготы для меня хорошо знакомы. Я лично в монастырях был свидетелем трех убийств, нескольких людей на моей памяти покалечили или они остались инвалидами на послушании, а уж разбитых физий не счесть. Но вот что интересно – в монастыре ты подписываешься под *terms and conditions*, которые изложены в поучениях аввы Дорофея и «Лестнице». Там черным по белому, многократно, замечу, подчеркивается мысль, что послушнику надлежит терпеть всякую несправедливость, что сила моя в немощи совершается и т. д. Если ты остаешься в монастыре, тем паче православном, ты принимаешь тот факт, что с тобой могут сделать любую несправедливость. По мере твоего духовного взросления с тобой это становится сделать все труднее и труднее. Будучи матерым послушником на Афоне, я уже смирялся, бывало, и архимандритов... Но факт остаётся фактом: меня предупреждали честно, к

чему надо быть готовым, и давали рекомендации, как себя вести. Тяжкий труд, скорбь – всё было прописано черным по белому.

Покидающие церковь люди часто забираются на соседний холм и высокомерно бросают камни по маковкам и приходам. Этот странный феномен эмоционального прилипания верующими однозначно воспринимается как «бесовская брань», а сами бывшие часто просто не осознают глубину нанесённых им в церкви ран и токсичность религиозного яда. При этом это относится исключительно к тем, кто принимает Христа сердцем, то есть людей идейных. Для подавляющего большинства церковь вырисовывает какие-то странные отдалённые перспективы «что-то там есть». Для них церковь просто учит любить маму и быть хорошим против всего плохого. А вот с идейными дело обстоит сложнее. Они всегда несли церкви одни проблемы, расколы и ереси. Раньше идейных ломали через «святое послушание», мол, стерпится – слюбится. Любая ересь наказывалась не только потусторонними судами, государство предоставляло церкви для репрессий свой карательный аппарат. Теперь идейность топят в монастырской сытости.

Мне тоже нужно было чем-то заниматься после выхода из монастыря, и я просто начал писать книги. Отписался по теме, заработал денег. И волки сыты, и овцы целы. Лично претензий к монастырям не имею. После Афона я вернулся на Смоленщину. Обратного в монастырь мне уже не хотелось. Мне был еще тридцать один год. Возраст подходил к возрасту Христа, и я вскоре написал свою первую книгу, которая неожиданно для меня самого стала достаточно популярной в православном сообществе. То есть я начал как достаточно успешный православный писатель. Сразу же хороший старт с первой же книги, что продавалась почти в каждой церковной лавке. Мировоззрение моё было тогда «послеафонское», то есть пророчески художественное. У меня не было никакого надлома после Афона, напротив, я достаточно качественно впитал традицию, что и отобразил в своих книгах. Окунувшись в православную среду, я вдруг понял, что это люди неоднозначные, и ВСЕ разные и особенно в религию-то и не верящие. Но она им нужна как место единения друг с другом. И мои книги их соединяли своим пафосом.

Это достаточно требовательный читатель, и для него важно, чтобы ты соблюдал некие пропагандистские условности. Первую свою книгу я писал легко. Просмотр фильмов Тарантино и дух нового времени с интернетом и гаджетами соединился в моем сознании с православной монашеской традицией. В итоге древняя мудрость передавалась мною весело, и поучения были совсем не занудными. Я почувствовал себя писателем в полной мере в 2008 году, когда в Манеже в Москве издателям была вручена премия за эту первую книгу «Украденные мощи», о чём я сам узнал из интернета. Формулировка премии гласила: за лучшее художественное произведение 2008-го года. Это был маленький, но триумф. Почему маленький – да потому что амбиции выросли сразу же. Писатель во мне ждал слишком долго, чтобы ограничиться этим, и одну за другой я выдал на-гора четырнадцать книг. Я экспериментировал в разных жанрах. Писал сборники афонских рассказов, которые до сих пор являются самыми любимыми у моих читателей. По следам рассказов вышло четыре повести в том же «афонском» стиле.

Постепенно моё мировоззрение начало постепенно крениться к реализму, что сказало на моей художественной позиции. И тут начались конфликты с издателем. «Пиши про духовность» – то есть либо откровенную пропаганду, либо различные благочестивые байки с соблюдением пропагандистских условий, что сами понимаете, является прокрустовым ложем для честной художественной позиции.

У индусов есть хорошее понятие – «дхарма». Дхарма голодного – поесть, бедного – заработать денег, богатого – заниматься благотворительностью. Так вот, дхарма писателя – отображать в своих произведениях именно ту художественную правду, что ему открылась. Это не истина в последней инстанции, но художественный взгляд, честный взгляд, без услов-

ностей. С каждой книгой мне выразаться стало всё труднее. Последнюю повесть мои первые издатели уже не хотели издавать. Все потому, что я отказывался писать «про духовность» такую, какой они ее понимали, а брался только за те темы, которые брали за душу лично меня. Чтобы я сам от написания этих текстов получал удовольствие, поскольку иначе читатель не сможет получить и своего, читательского удовольствия. Последняя повесть в этом стиле была про героинового наркомана – сына священника, который стал бандитом. Я настолько правдоподобно изобразил жизнь героинового наркомана, что недруги обвинили меня в наркомании, хотя я всегда был верен алкоголю. Книгу издало другое издательство ограниченным тиражом, но ее стали перепечатывать и отправлять по тюрьмам, потому что она помогала жить. И это для меня было высшей наградой.

Параллельно у меня был проект написания книг в совершенно новом стиле – православного мистического детектива. Проект получился неудачным, хотя книги и оформление были шикарными. Писал я их под псевдонимом. Доходило до смешного, когда на одном и том же православном сайте – книги, написанные под собственным моим именем, прославлялись как духовные и весьма полезные, но те, которые были написаны под псевдонимом, клеймились как тупые, грязные и вредные. И я вошел в конфликт. Его зерно было изначально во мне и прорастало с годами, подпитываясь растущими писательскими амбициями и алкоголизмом. Я вошел в конфликт со всеми: с обществом, церковью, своими близкими. Этот конфликт сделал меня бесконечно одиноким и злым...

...Есть такая интересная техника гештальт-терапии, как «горячий стул». Недавно проходя реабилитацию, я сидел на таком стуле среди психотерапевтической группы, и окружающие давали мне обратную связь. Тема, с которой я вышел на этот стул, была «писатель и церковь». Высказывали довольно много мнений относительно моего конфликта с православным духовенством, мол, это и банальный пиар, и стремление выделиться, самоутвердиться за счет других. Другие говорили, что это действительно поступок. Одно мнение мне особенно понравилось, точнее, это не мнение, но как бы взгляд со стороны:

– Мне, Стас, ты со своим конфликтом напомнил честного полицейского из фильмов. Вот все кругом продажные, а он честный, хотя ему и достается за это. Эдакий brutальный полисмен, идущий против системы. Небритый одиночка, обычно с бутылкой в руках.

Вот этот образ – «честный» полицейский с бутылкой – абсолютное попадание «в десятку». И вопрос: он пьет, потому что честный, или честный, потому что пьет? Если уж быть честным до конца, то, скорее, вернее второе – он «честный», потому что пьет. «Героическая» честность такая интересная категория, что требует фон в виде лжецов. Такая честность всегда «вопреки», а не сама по себе. С одной стороны, я избавлялся от лицемерия, но с другой – увязал в борьбе против того же лицемерия, алкоголя и целого мира.

Обличительный формат такой честности предусматривает вознаграждение в виде той же бутылки и имиджа правдолюбца. А правдолюбие же заключается в том, чтобы докопаться до кого-нибудь. Причем сделать это легко, потому что у всего в этом мире есть две грани. Возможно, есть кому-то польза от этого. Но в последнее время я стал сомневаться в этом. Еще ученые не изобрели точные приборы измерения пользы и вреда. А вот бутылка в руках «честного» полицейского это однозначный вред. Забота о завтрашнем дне, где «дне» от слова дно, а не день...

Но тогда, во время обострения конфликта, я об этом не думал, я был «героем», который тонул в собственной важности, чтобы оттолкнуться от своего дна.

Я много пил, перебивался случайными заработками и путешествовал. Меня заносило то в Беларусь, то в горы Кавказа. Я словно бежал от этого общества, которое хотело вылепить меня по своему образу и подобию, чтобы я отражал его в своих книгах.

Блуд

Бывало, я появлялся в подряснике «на людях», и обычно люди мне с интересом задавали самые разнообразные вопросы. Всегда интересно, чем живёт закрытое общество, будь то тюрьма, армия или монастырь. Больше всего мирских, в особенности мужчин, интересовало, как монахи и монахини умирят своё либидо. Большинство искренне заблуждается по поводу неосуществимости перекрытия этого природного канала, справедливо полагая, что семя накапливается в мошонке для того, чтобы изливаться, но искренне заблуждаясь насчёт того, что якобы невозможно каким-то образом повлиять на ситуацию. «Особо знающие» миряне говорили, что только педерастия или на худой конец «малакия», под чем они понимали мастурбацию, спасает изнемогающих от скопившейся спермы монашествующих. Что «между прочим все мы дрович», как писал в своём стихотворении Бродский.

Я всегда упорно отрицал не только гомосексуализм, но и «малакию», ссылаясь на свой опыт и на опыт отцов. Как учил святой Феофан Затворник: «Найдите и прочитайте следующее место в первом послании св. Павла к Коринфянам: гл. 6, ст. 9. Что здесь названо: малакии, то есть ваше дело. Оно лишает Царствия. Следовательно, есть смертный грех. Блудная страсть здесь во всей силе – и удовлетворяется. Поразмыслите о сем. И положите конец сему делу. Оно иссушает, и преждевременную смерть причиняет. У иных способности расслабляет, здравомыслие и энергию подавляет, бывает причиною и умопомешательства. Блудите себя!» Смысл тогда во всём этом монастырском делании, если оно в принципе невыполнимо?

И хотя малакия на самом деле обозначает не рукоблудника, а пассивного педераста (от др.-греч. *μαλακός* – «мягкий», «легко поддающийся давлению, сжатию», «эластичный», о человеке – «нежный, ласковый, слабый»), скажу, что даже рукоблудие считается в церкви чем-то страшным. Этот грех к смерти (то есть умирающий в этом грехе однозначно по православному учению попадает в ад), он относится к страсти блуда и нуждается в обязательном исповедовании. Причащаться, не исповедав рукоблудие, нельзя. А духовник для уврачевания страсти часто налагает епитимью – пост и поклоны. Поскольку в церкви довольно трудно находиться человеку, не верующему в эти каноны, адепты православной веры, тем более монашествующие, действительно терпят восстание плоти, подавляя похоть, и идут в вопросах секса против своего естества.

Отвечаю исходя из собственного опыта – уgomонить основной инстинкт в монастыре всё-таки возможно, хотя и связано это с большим трудом. Благодаря посту, бдению, под чем подразумевается регулярный недосып, и тяжёлой физической работе организм сильно ослабевает и тратит свои скудные ресурсы на поддержание только основных функций. Человек подвизающийся ходит как собственная тень, тут уж не до секса. В некоторых монастырях дают специальный чай из успокаивающих основной инстинкт трав. Конечно, монашествующего, особенно если он тучной жизнерадостной природы, время от времени одолевает похоть. Но если монах умерен в еде или ест в основном мучное, мало спит и много молится, он способен подавить в зачатке всякую половую жизнь. Разумеется, идти на такие жертвы и искажения собственной природы может только человек идейный или же карьерист, точно знающий, ради чего, каких плюшек, он пыхтит в том или ином монастыре.

Но секс у монашествующих все же случается, как с идейными, так и с карьеристами. Это вовсе не распространено широко, как о том думают внешние, но он случается. Начну, пожалуй, как ни смешно это звучит, с секса «идейных».

Идейный монашествующий – это борец с собственными страстями. Лично у меня такой главной страстью – спарринг-партнёром в борьбе за собственную душу – являлся алкоголь. Сама «борьба» предусматривает не только победы, но и поражения. Для алко-

лика это означает пытаться совладать с «пьянственной страстью», то есть заранее обречённый бой, потому что алкоголь – неотъемлемая часть христианской культуры. То есть тебя учат культурно выпивать, что для алкоголика в принципе невозможно. Главное православное таинство евхаристии – это принятие святого тела и крови Христовой, что по факту является смоченным в вине хлебом. К нему полагается ещё и заправка – так называемая «теплота», состоящая из вина с кипятком. Теплотой напиться, конечно, нельзя, но разбудить алкогольную жажду запросто. А когда напиваешься и побуянишь, значит, пал и оказался покорен страстью.

Разумеется, никто за алкогольные срывы по головке не гладил, и бывало, меня изгнали за это даже из монастырей или понижали статус. Как любой алкоголик, я попадал в неприятные ситуации и переделки, порой на грани жизни и смерти. И вера держала меня в ежовых рукавицах, не давая раскиснуть или упасть духом. Если я каялся и не оставлял своего поприща – считался у монашествующих духовным борцом и даже почти героем! «Упал – встань», как любят говорить в монастырях. Кающихся в монастырях любят – это те самые идейные, на плечах которых громоздится всё религиозное здание. С блудом примерно то же самое. У самого меня проблем с блудными делами не было. Во-первых, по известной поговорке «рождённый пить – любить не может», а во-вторых – строгие посты, недосыпания, загруженность молитвами и работой действительно делают своё дело, и послушник может на время или даже навсегда подавить основной инстинкт.

Конечно, и у меня возникала время от времени сильная блудная брань, и один раз на Афонском подворье я даже помастурбировал (был грех), после чего испытывал тяжёлые нравственные страдания и страх перед нашим суровым и язвительным игуменом, которому нужно было исповедать этот грех. И произошло-то всё случайно – просто в полудрёме решил поправить подрясник и нечаянно прикоснулся к срамному уду через суконную ткань. Тронул ещё раз и ещё, начал тереть через ткань в забвении полусна, не сдержавшись или не желая останавливаться до семяизвержения. Ощущение «после» было трагическим, как будто я оскорбил Бога или в минуту расточил всё богатство, что собирал годами.

Я пал и действительно переживал по этому поводу! Как идейный, я не мог подходить к причастию без исповеди, и уговорил одного иеромонаха, чтобы он втайне от игумена отпустил мне грех рукоблудия, чтобы только не говорить это наместнику. После того случая я держался несколько лет и за всё время пребывания в монастырях не душил своего гуся. Хотя в некоторых монастырях мастурбация считается хоть и неприличным, но вполне допустимым явлением, подпадающим под простую епитимью, а не прещение. Но настоятель Афонского подворья, где я впал в искушение, рукоблудие категорически не приветствовал и во время похода-смотрa по кельям он с благочинным всегда проверял простыни братии на предмет наличия пятен от спермы. Однако иеромонах, которому я исповедал свой грех в тот самый единственный раз, отвечал, что ничего страшного здесь нет, поскольку это грех «естественный».

Тем не менее, после того «падения» я держался. Эти остальные годы у меня, конечно, случались ночные блудные истициания, но ни мастурбации, ни гомосексуализма, ни даже гетеросексуальных отношений не было. И как идейному, мне это всё казалось дикостью. Зачем себя морить голодом, связывать послушаниями – фактически бесплатным рабским трудом – и ограничивать себя в удовольствиях, если не придерживаться идеи спасения души? Хотя при поллюциях (блудных истицианиях) у меня было скорее облегчение, чем ощущение греховности или желание покаяния. Во сне грешить оно как-то легче. Типа можно – «дозволенный» грех. Поллюцию можно не исповедовать священнику, а просто прочитать специальное правило «от осквернения» из Канонника. Хотя если монашествующий серьёзно подходит к подвигу и ревнует о чистоте, он исповедует своему духовнику и поллюции, счи-

тая, что в сновидениях также сокрыта часть его произволения и поэтому блудные истициания требуют более сложного врачевания, чем простое вычитывания канона об осквернении.

Если монах тщательно и долго боролся с блудной страстью, ему, как победителю, полагаются венцы, и плодом такого подвижничества ещё на земле является «ангельская чистота». Иосиф Исихаст описывал в своих письмах, как его долгие годы настолько сильно боролась блудная брань, что он не мог даже заснуть и часто и сильно избивал себя палкой, только бы желание совокупления пропало. Однажды он задремал и увидел смрадного беса, который почёсывал его в том самом месте. Иосиф свирепо набросился на него, и бес этот неожиданно лопнул, после чего подвижник ощутил ужасный смрад, после чего блудная брань оставила его навсегда – с того момента он стал «чист» как ребёнок. Что с ним тогда произошло, физически непонятно, но с годами подобные Иосифу подвижники превращаются в настоящие развалины с ворохом разнообразных недугов и заболеваний. Болезни старых монахов – это что-то с чем-то.

На Афоне в Свято-Пантелеимоновом монастыре был один врач, которого быстро постригли под именем К. Инок К. был уже в годах (в монастырях таких не любят, поскольку впереди старость, а он для монастыря ничего путного сделать не успеет), но обладал ценным врачебным навыком. К. тоже любил выпить (что нас объединяло) и часто по пьяни говорил мне, что половина иеромонахов монастыря ходит делать к нему массаж предстательной железы. Он подробно и с нездоровым огоньком в глазах рассказывал, как надевает перчатку, смазывает кремом анус и проводит эту процедуру. Болезни простаты для воздерживающихся – частые гости. Физически воздержание – это очень плохо. В подвижнической литературе, конечно, витиевато обещаются огромные преимущества целомудрия для души и тела, которое принимает «ангельскую чистоту», но лично я не могу сказать, что видел (даже на святом Афоне) ангелов во плоти. Подвижники, конечно, своеобразные люди, но какого-то кардинального изменения их естества от добровольной кастрации и лишения себя плотских утех я не наблюдал. Сдержанные, тощие, сухие (в том числе и эмоциями) и немногословные люди. Ничего больше. К тому же внешность обманчива, как вы убедитесь из истории с Ф., которую я приведу чуть ниже.

По моим наблюдениям всё-таки правильная сублимация половой энергии приводит к повышению в подвижнике душевной теплоты – «небесному эросу», по слову Григория Нисского, но несмотря на многочисленные свидетельства в подвижнической литературе, убедительных доказательств пользы для нравственного начала полового воздержания я не встретил. Конечно, похотливые люди сами по себе неприятны – бегающие масляные глазки, как будто ощупывающие телеса, и бесцельный разговор с желанием затащить собеседника в койку. Но полный запрет на проявление всякого полового желания – это подвижничество против природы. Конечно, само по себе такое подвижничество закаляет характер, поскольку нет ничего тяжелее, чем идти против самого своего естества. Человек, отказывающий себе в лёгком удовлетворении естественной половой нужды (в идеале греховна даже мысль о совокуплении), является суровым диктатором самому себе и истовым защитником православного учения – ведь не просто же так он несёт все эти труды?

Предупреждая вопросы, сразу скажу, что я лично с педерастией в монастырях не сталкивался. То есть никто ко мне не приставал, за срамной уд не дёргал и в келью не тянул. Я бухал. А нашего брата алкоголика в монастырях куда больше, чем практикующих гомосексуалистов. Но и гомосексуалисты есть, о чём хорошо знают и предпочитают молчать, чтобы не выносить сор из избы. Иногда гомосексуалист в рясе ещё и алкоголик, тогда да – о его шалостях скоро становится всем известно. Сор из избы выносить не любят, но в своей среде монашествующие часто делятся историями о своём опыте пересечения с гомосексуалистами в церкви. Обычно рассказывают, как отвергали с гневом блудные домогательства, хотя некоторые трудники мне прямо говорили, что вступали в гомосексуальные контакты с иеромо-

нахами за деньги. Такие трудники ходят из монастыря в монастырь и сразу говорят всем о готовности к гомосексуальной проституции. То есть педерастии в монастырях немного, но сама скандальность этого явления делает его видимым и значимым, как уродство на лице в общем миловидной девушки. Поэтому о гомосексуализме всегда говорят и шепчутся – что внутри монастыря, что за его оградой.

Но помимо осуждения гомосексуалист в монастыре пользуется и неким пониманием. Объясняю почему: представьте себе ситуацию, когда в монастырь приходит идейный борец с собственным гомосексуализмом – крещёный, верующий и даже воцерковлённый человек. В миру ему оставаться нельзя, поскольку он не имеет инструментов для сдерживания своего влечения. Идти на поводу у страстей для верующего человека – значит погибнуть. А в монастыре он начинает невидимую брань со своей грязнотой, борясь с блудным бесом, и часто преуспевает. Но иногда такой человек впадает в искушения, то есть либо вступает в однополые связи, либо начинает к кому-нибудь приставать, обычно разговевшись и в подпитии. Как и в случае с алкоголизмом при обнаружении постыдных поступков такого человека часто подвергают определённым репрессиям, но далеко не всегда выгоняют из монастыря, если тот кается и выражает намерение уйти от греха. «Упал – встань», помните?

Иногда это приводит к трагикомическим ситуациям. Например, на Афоне в Свято-Пантелеимоновом монастыре жил (а может, и живёт по сей день) иеромонах Ф. Внешний вид у него был благообразным, как у старца – это я и имел в виду, когда говорил, что внешность обманчива. Окладистая седая борода, добродушное приветливое лицо и весёлый нрав располагали к себе. Когда отец Ф. жил ещё в самом монастыре, его часто боролась блудная брань. Тогда он брал бутылку узо – крепкой (восемьдесят градусов) анисовой водки и шатался по архондарнику (монастырской гостинице) в поисках жертвы. В архондарнике Пантелеимона четыре этажа и всегда кто-то есть из гостей, зачастую пребывающих в состоянии экзальтации. Как же так! Афон – легендарное и святое для православных людей место. Здесь собрались лучшие из лучших – «монашеский спецназ», как говорил наш игумен. Восторженные паломники из России, Украины или Европы с охотой принимали приглашение старца Ф. посидеть за бутылкой. Им хотелось общения и льстило внимание со стороны афонского монаха. Дальше всё зависело от ситуации. Иногда паломники в гневе доносили духовнику и игумену, что отец Ф. после совместного распития узо хватал их за член.

Бывало и хуже – некоторые перебравшие лишка с Ф. паломники просыпались с болью в заднем проходе и далеко не все из них рассказывали об искушении. Представляете себе ситуацию? – паломник в святом месте считает любого монаха чуть ли не за святого, к нему подходит настоящий старец с предложением поговорить о Боге!.. Но заканчивается всё это банальным изнасилованием, о котором ещё так просто-то и не расскажешь. Не женщина ведь, а мужик! Стыдно. Приехал на Афон за благодатью, ага, и получил на свою задницу приключений. Жалоб на Ф. хватало, но из монастыря его не выгоняли. Ведь отец Ф. боролся со своей страстью и регулярно исповедовался, то есть по монашескому учению он, как настоящий монах, вёл невидимую брань. И как в любой борьбе Ф. время от времени проигрывал, впадая в искушение, снимая штаны с напоенного вусмерть им паломника. По-монастырски здесь никто не виноват – только бес. И Ф., и естественный им паломник должны сделать свои выводы из этого искушения. Для самого Ф. весьма удобная позиция. То есть нельзя сказать, что Ф. нравились однополые отношения. Телу и душе нравились, сердце изнемогало от похоти, но его нравственное чувство страдало. А ведь душа в православии самое главное. Выгони его из монастыря, он что – перестанет «глину месить»? Нет, просто отойдёт от веры и пустится во все тяжкие – «погибнет» по православной терминологии. В конце концов Ф. всё-таки отправили в отдалённый скит, поскольку он изнасиловал несовершеннолетнего сына монастырского садовника, который был, кстати, греком. Это был серьёзный

скандал. Садовник, что раньше был русофилом, стал русофобом и после выплаты немалой компенсации ушёл ко грекам. Ф. же просто удалили на скит.

Афон вообще уникальное место, единственное на земле, куда запрещён вход женщинам. Когда Греция вступала в ЕС, сохранение особого статуса Афона было одним из условий вступления страны в Евросоюз. Отношение к педерастии у греков своеобразное. Как православные они, конечно же, осуждают это как грех блуда, но у них нет понимания педерастии, как содомии – противоестественного блуда. Что с женщиной блуд, что с мужчиной блуд. Поэтому, кстати, русские так и не поняли смысла понятия «малакия» – для сурового средневекового русича такие нюансы однополых отношений, как пассивная и активная педерастия, были маловразумительны и это непонятное слово сочли за рукоблудие.

Как южный народ, греки любвеобильны, поэтому по монашеским правилам на Афон исключён проход юношам, в бороде которых не застревает карандаш. Правда, в последнее время этот запрет потерял свою силу и на Афоне даже открыли учебное заведение для детей – шестилетнюю школу Афониаду, где рядом трутся похотливые греческие монахи. Педофилия для грека что-то вроде греховной традиции, но всё-таки традиции его народа. Один русский послушник в монастыре Филофей подвизался вместе с сыном и очень боялся, что греки этого сына поймут. Страхи эти не лишены оснований. Сейчас на Афоне всем показывают лучший в мире монастырь – Ватопед. Но мало кто знает, что в шестидесятых годах здесь был рассадник самого безобразного блуда. Иеромонахи Ватопеда доходили до того, что красили ногти и носили женские колготки, затягивая в свои кельи проходящих мимо паломников. Как говорили, гомосексуалистами в Ватопеде были тогда все без исключения. Эти года славились общим упадком Афона, когда педерастия на горе процветала пышным цветом. Как говорил мне отец Н., который был на ту пору антипросопом – официальным представителем Свято-Пантелеимонова монастыря: педерастов было чуть ли не треть Афона.

Сам Свято-Пантелеимонов монастырь сотрясали совершенно раблезианские скандалы. Один иеромонах, будучи пьяным, однажды заявился в храм в совершенно непотребном голом виде. Он был измазан дёгтем и облеплен перьями, как об этом повествует дневник отца Давида, и он воссел на архиерейскую игуменскую стасидию и начал орать на весь храм, срывая богослужение. Дело было в Свято-Пантелеимоновом соборе. Конечно, скабрёзное поведение о. Ф. это отголосок ещё той афонской анархии. Когда в 1967 году ко власти в Греции пришли так называемые «чёрные полковники», на Афон приехали суровые военные и скрутили всю братию Ватопеда и вывезли с горы. Что с ними потом стало – неизвестно. Отец Н. рассказал, что таким же образом скрутили четырех русских иеромонахов Ильинского скита. Но их выдворили не за гомосексуализм (хотя, по словам Н., и они были такими), а за зилотство. Иеромонахи принадлежали русской зарубежной церкви и в 1992 году не пустили в скит самого патриарха Алексия II, как главу «безбожной» московской патриархии. Как сказал Н., патриарх буквально побагровел от гнева и, ни слова не говоря, отошёл от дверей. После его отъезда с горы этот русский скит был передан грекам, а насельники выдворены – формально за отказ поминать на богослужениях патриарха Константинопольского Варфоломея.

Скит сразу же был ограблен греками и всё добро – старые фелони, утварь и книги – вывозилось прямо в Фанар. Как гласит афонская традиция, после этой сдачи скита самолёт с патриархом Алексием якобы не мог приземлиться в Москве – не выпускалось шасси и самолёт три раза облетел столицу, пока шасси наконец не выпустилось. После вычищения Ватопеда от нечисти «чёрные полковники» поставили Протату задачу реабилитировать монастырь, и его начали превращать в афонскую витрину. Духовником ватопедской братии стал монах Иосиф Афонский из знаменитой школы Иосифа Исихаста. Греки довели дело до ума, и сейчас это на самом деле очень хороший монастырь, где паломник может ощутить всё великолепие византийского богослужения – превосходный хор, строгий византийский

устав и высокий уровень образованности монахов Ватопеда делают его чуть ли не лучшим монастырём православного мира. Разумеется, сейчас там никакой педерастии нет. Но совсем этого не избежать и, впрочем, так здесь было всегда – Порфирий Успенский даже писал в своей работе о святой горе, что старцы с послушниками образовывали что-то типа семей, где молодой послушник вкладывался своей юностью и живостью, а старец опекал послушника, постригал и впоследствии передавал ему свою келью в пользование. Сюда же владыка приписал афонский метод беспрекословного послушания, когда что бы ни делал с тобой старец и как бы ни искушал, послушник обязан всё безропотно переносить и выполнять. Конечно, педерастия никогда не афишировалась, но легко скрывалась за учением о беспрекословном послушании. Отсюда идет мнение греков, что в келью лучше идти после того, как провёл годы монастырского искуса среди братии. Кельи – это монастырская анархия, где может произойти что угодно.

Один сербский зилот Г., ходящий по горе в поисках пропитания, всегда спрашивал у знающих людей, если хотел переночевать в той или иной келье, нет ли там педерастов, поскольку пару раз он нарывался на откровенных гомосексуалистов на кельях, где куда удобнее предаваться разврату, чем в монастырях, где с этим безусловно строже. А на кельях и бухают безбожно, и мясо едят, ну и сексуальная жизнь там поактивнее, чем в монастырях.

Люди, сталкивающиеся с откровенной педерастией со стороны монахов и священнослужителей, ведут себя по-разному. К примеру, подвизался в Курской епархии архимандрит И., которого почитали за старца. И. приехал с Афона, где прожил много лет. Иногда, принимая паломников, этот старец хватал их за член или просто водил рукой в том месте. Паломники при таких действиях старца находились в странном замешательстве, ведь перед ними был почитаемый старец, а не какой-то проклятый мужеложец. Некоторые плевались и уходили из монастыря в гневе, другие говорили, что старец таким образом лечил их от мужских болезней. Отдельные духовно одарённые образно описывали, как у них были проблемы с простатой, решившиеся после поглаживаний старца. Вплоть до того, что у них после приёма старца резко закололо и пошла чёрная моча, а потом все недуги разом прошли. То есть каковы бы ни были намерения И., на самом деле верящие в старца рационализировали странные его действия как целительство и действительно получали помощь. Хотя тот же отец Н., хорошо знающий И., преспокойно делится на Афоне с любым паломником своими воспоминаниями, в которых И. предстаёт другом того самого отца Ф. (благостного старца с бутылкой узо, шарящегося по архондарику) и злостным педерастом. Мол, однажды Н. приехал по делам в Салоники, где в монастырском конаке стал свидетелем страшной картины – И. с Ф. естествовали одного грека, который при этом громко орал, то ли от страсти, то ли от боли. В дневниках отца Давида тоже сказано, что у И. была интрижка с полицейским в Карьесе. В общем, был ли И. гомосексуалистом, мне доподлинно неизвестно, оставляю это на совести Н. и почившего отца Давида, который в одно время крепко держал весь монастырь за одно место. Однако факты остаются фактами – за член И. действительно паломников трогал и неоднократно. Но никто из почитателей старца с этим не согласится, какие бы доказательства им ни приводили. Потому что почитатели убеждены в святости своего кумира, за которого готовы побить, а то и убить. Я, например, знаю случай, когда иеромонах Г. с Кавказа при простом упоминании того факта, что И. трогал паломников за член, буквально приходил в бешенство и готов был растерзать за такие слова, хотя ему говорили только то, что все и так знали, без прямых обвинений старца в педерастии.

Сказать, какое количество в процентном соотношении в монастырях подобных «борцов» с блудной страстью, трудно, потому что об этом стараются не говорить.

С сексом идейных вроде бы всё, теперь пора рассказать о сексе карьеристов. Да, кроме идейных в монастыри часто идут карьеристы, считая, что чёрное духовенство приблизит их к желанной цели – епископству или игуменству. Такие карьеристы пришли к монаше-

ству ради земного, а не небесного, отчего они не находят внутренних сил сопротивляться похотям плоти, как это могут делать идейные. Или же просто не хотят. Каждый становящийся священником в той или иной степени карьерист. Ему нужно придерживаться корпоративной этики. Даже если известно, что твой правящий архиерей допускает для себя однополые шалости, нельзя попытаться воспрепятствовать этому и остаться в епархии. Любой вынос сора из избы – это нарушение корпоративной этики. Разумеется, принявший правила игры священник начинает меняться и в остальном. Как пишет один анонимный священник – если подследственный признал вину, то цель следователя достигнута. Если чиновник допустил какой-нибудь «косяк», то он должен немедленно спихнуть его на подчинённого, чтобы самому не отвечать. А если признаешь – ты здесь больше не работаешь. То же самое относится и к работникам епархии и приближенным к телу епископа священникам. Никто и никогда не будет каяться в своих проступках (это для «лохов» и «терпил»). Настоящий русский никогда не кается.

Я хорошо знал митрополита Онуфрия, который сейчас возглавляет украинскую церковь московского патриархата ещё в бытность его правящим архиереем в Черновцах. Про самого епископа не могу сказать что-нибудь плохое, он искренне держится православного стиля и ему действительно нравятся молитвы и монашеская жизнь. Онуфрий часто приезжал на Афон и проводил весь свой отпуск вместе с братией монастыря в молитвенных трудах и службах. Но при нём в Черновцах был секретарём епархии (важная должность, по сути вторая после самого владыки) отец М., про которого далеко шла молва как о гомосексуалисте. Мне рассказывал один из духовных чад М., как его самого и ещё одного подростка М. с его другом иеромонахом катали на машине в воскресенье после праздничной трапезы, где рекой лилось вино. Отцы прилично поддали и начали приставать к подросткам. Они остановили машину вдали от города в тихом месте, и М. языком слюнявил ему четырнадцатилетнему ушную раковину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.